

Научная статья

УДК 830.035

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/23-34>

Сравнительный анализ переводов на русский язык стихотворения Г. Тракля “Menschheit”

Дмитрий Андреевич Андреев¹

Научный руководитель: **Виталий Иванович Пинковский**²

^{1,2} Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Российская Федерация

¹ Аспирант, Педагогический институт, кафедра социальных и гуманитарных наук,
dmitrii.andreev@hotmail.com

² Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии
и журналистики, alennart@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена сравнительному анализу пяти русскоязычных переводов стихотворения Георга Тракля “Menschheit” («Человечество»). Актуальность исследования определяется значимостью творчества Тракля в контексте литературы экспрессионизма и необходимостью глубокого понимания его символической и философской многослойности при переводе. В ходе анализа рассматриваются ключевые аспекты передачи апокалиптической атмосферы, религиозной символики и экспрессионистских образов. Особое внимание уделяется выбору лексики, сохранению ритмической структуры и степени интерпретации, влияющих на художественную ценность текста.

Ключевые слова: Тракль, экспрессионизм, перевод

Для цитирования: Андреев Д.А. Сравнительный анализ переводов на русский язык стихотворения Г. Тракля “Menschheit” / науч. рук. В.И. Пинковский // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 23–34.

Original article

Comparative analysis of Russian translations of G. Trakl’s poem “Menschheit”

Dmitry A. Andreev¹

Scientific advisor: **Vitaly I. Pinkovsky**²

^{1,2} North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation

¹ Postgraduate Student, Pedagogical Institute, Department of Social and Human Sciences,
dmitrii.andreev@hotmail.com

² Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Russian Philology
and Journalism, alennart@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the comparative analysis of five Russian translations of Georg Trakl’s poem “Menschheit”. The relevance of the research is determined by the significance

of Trakl's work in the context of Expressionism and the necessity of a deep understanding of its symbolic and philosophical complexity in translation. The analysis examines key aspects of conveying the poem's apocalyptic atmosphere, religious symbolism, and Expressionist imagery. Special attention is paid to the choice of vocabulary, preservation of rhythmic structure, and degree of interpretation, all of which influence the artistic value of the text.

Key words: Trakl, expressionism, translation

For citation: Andreev D.A. Comparative analysis of Russian translations of G. Trakl's poem "Menschheit" / sci. adv.: V.I. Pinkovsky. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 23–34. (In Russ.).

Георг Тракль (1887–1914) родился в Зальцбурге в семье состоятельного торговца. Его жизнь была омрачена апокалиптическими предчувствиями, душевными конфликтами. К моменту написания стихотворения "Menschheit" («Человечество») Тракль находился в состоянии глубокого душевного кризиса. Его мрачное восприятие человечества, обречённого и погрязшего в грехе, прямо связано с общей атмосферой европейского декаданса, предшествующего Первой мировой войне. В 1914 году он, будучи военным фармацевтом, стал свидетелем ужасов войны, окончательно утратил жизненные силы и, предположительно, покончил с собой.

Цель работы – сравнительный анализ пяти переводов стихотворения Георга Тракля "Menschheit" на русский язык. Актуальность исследования обусловлена значимостью творчества Тракля в контексте направления экспрессионизм и необходимости глубокого понимания его символических и философских аспектов в переводе. Материалом послужили оригинал стихотворения и его переводы.

Стихотворение "Menschheit" было написано в 1913 году. Оно погружает читателя в тревожную атмосферу предчувствия неизбежной катастрофы. Европа в этот период находилась на грани масштабного военного конфликта. Политическое напряжение, индустриализация, кризис гуманизма создавали ощущение общего духовного упадка. Экспрессионисты, а к этому литературному направлению принадлежит творчество Тракля, воспринимали эти процессы как симптомы конца цивилизации. В произведениях Тракля эта тема выражена в апокалиптических и религиозных символах, что особенно отчётливо обнаруживается в стихотворении "Menschheit".

Стихотворение не только отражает внутренние экзистенциальные конфликты автора, но и предвосхищает апокалиптические события Первой мировой войны, начавшейся через год после создания стихотворения (оригинал стихотворения приведён ниже).

MENSCHHEIT

Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt,
Ein Trommelwirbel, dunkler Krieger Stirnen,
Schritte durch Blutnebel; schwarzes Eisen schellt,
Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen:
Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld.
Gewölk, das Licht durchbricht, das Abendmahl.
Es wohnt in Brot und Wein ein sanftes Schweigen
Und jene sind versammelt zwölf an Zahl.

Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen;
Sankt Thomas taucht die Hand ins Wundenmal.

Стихотворение состоит из двух пятистиший и написано ямбом. Между собой рифмуются первая, третья, пятая и вторая, четвёртая строфы в каждом пятистишии. Интерес вызывает шестая строка – она ритмически выделяется из всего стихотворения. В первой строфе возникает образ человечества, стоящего перед “Feuerschlünden” (огненными безднами), являющимися метафорой апокалиптической катастрофы. Барабанный бой и лязг чёрного железа создают атмосферу войны и обречённости. Этот символ апокалипсиса, связанный с предчувствием грядущей войны, усиливает ощущение коллективной вины и страха перед неизбежным. Во второй строфе появляются библейские аллюзии. Здесь “Evas Schatten” (тень Евы) отсылает к первородному греху, а упоминание “rotes Geld” (красных денег) – к крови и коррупции человеческой души, аллюзии на мотивы грехопадения и искушения. В них автор находит параллель между библейским прошлым и современным состоянием человечества, где моральные принципы подменены материальными ценностями. Заключительные строки переносят читателя в пространство Тайной вечери (Abendmahl), однако здесь акцентирован не сакральный характер этого события, но сомнение и отчаяние, воплощённые в образе Святого Фомы (Sankt Thomas), проверяющего раны Христа. Христианские образы у Тракля не связаны с надеждой на спасение. Вместо святого молчания апостолов звучат их крики во сне под оливковыми деревьями, а Фома олицетворяет неверие в божественное чудо.

Тракль мастерски сочетает религиозные аллюзии с экспрессионистскими образами, подчёркивая деградацию человечества. Барабанный бой, железный звон и кровавый туман представляют войну как неизбежную катастрофу. Этот мотив – центральный в стихотворении – отражает растущее беспокойство по поводу состояния европейского мира. Образ «тени Евы» и аллюзии к Тайной вечере позволяют Траклю изобразить человечество греховным и несущим ответственность за собственное разрушение. Религиозные образы лишены святости, что подчёркивает упадок духовных ценностей в современной эпохе. Стихотворение “Menschheit” можно рассматривать как пророческое заявление о состоянии мира перед Первой мировой войной. Образ человечества, стоящего перед огненной пастью, отражает неспособность предотвратить надвигающийся кризис. Тракль, будучи свидетелем распада старых ценностей, соединяет в тексте личное чувство отчаяния с общечеловеческой трагедией.

Образы Библии, в частности Тайная вечеря, обычно ассоциирующиеся с искуплением и надеждой, у Тракля теряют позитивное значение. Крики апостолов и сомнения Фомы подчёркивают разрыв между человечеством и верой в возможность спасения. Это может быть связано с ощущением утраты божественного порядка в мире, где война становится новой реальностью. Тракль создал поэтический текст, предвосхищающий ужасы Первой мировой войны, и одновременно обнажил глубокий духовный кризис человека. В символах и библейских образах, в мрачной атмосфере он выразил чувство утраты и отчаяния, характерное для эпохи модернизма. Биографический контекст, внутренние страдания автора, его болезненное восприятие мира усиливают трагический пафос произведения, делая его универсальным выражением духовного упадка и человеческой трагедии.

Перевод А. Солянова демонстрирует попытку максимально сохранить экспрессионистский дух оригинала, при этом адаптируя его к русской поэтической традиции. В переводе чувст-

вается высокий уровень художественной обработки текста, что делает его эмоционально выразительным и ритмически организованным. В переводе сохранены оригинальные размеры стихотворения: ямб, два пятистишия с рифмовкой АВАВ.

РОД ЛЮДСКОЙ

Пред бездной огненной построен род людской,
Дробь барабана, рати в гари жирной,
Сквозь червлень мглы удар подков глухой:
Ум плачет, обручённый с тьмой всемирной,
Тень Евы здесь, червонцы, гон лихой.
Лучом пробита облачная скань.
Вино и хлеб – путь жертвы молчаливой,
Се кротко отдают Двенадцать дань
И вопиют, уснувши под оливой;
Святой Фома влагает в раны длань.

Перевод А. Солянова

Первая строка «Пред бездной огненной построен род людской» передаёт идею оригинала, но замена нейтрального слова «поставлен» (aufgestellt) на «построен» добавляет некоторой искусственности. Вместо экспрессионистского ощущения хаоса возникает образ организованного, почти ритуального действия. Это усиливает коллективный характер сцены, но отчасти ослабляет её катастрофический тон. Аналогичное усиление военной символики наблюдается в строке «Сквозь червлень мглы удар подков глухой», где образ «подков» заменил слово «шаги» из оригинала. Это смещает акцент с тревожной, апокалиптической атмосферы на более конкретный военный контекст. Вместе с тем слово «червлень» добавляет тексту архаической поэтичности, что делает перевод эмоционально насыщеннее, но несколько отдаляет его от лаконичной строгости оригинала. Строка «Ум плачет, обручённый с тьмой всемирной» является интерпретацией строки "Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen" из оригинального текста. Здесь переводчик уходит от буквальной передачи смысла (отчаяние, ночь в печальных мозгах) в сторону более метафорической фразы, придающей эмоциональную глубину. Образ «ума», обручённого с «тьмой всемирной», усиливает масштабность и универсальность упадка, что удачно сочетается с общим тоном стихотворения, однако теряется непосредственность оригинального выражения. Строка «Тень Евы здесь, червонцы, гон лихой» демонстрирует сочетание смыслов оригинала. "Evas Schatten" в оригинале символизирует первородный грех и искушение, а "rotes Geld" – намёк на кровь или преступную материальность. В переводе эти образы переработаны: «червонцы» сохраняют отсылку к материальным ценностям, а «гон лихой» добавляет динамику, что усиливает ощущение алчности и морального падения. Однако прямолинейность этих образов лишает их той загадочной символической насыщенности, которая характерна для Тракля.

В строках, связанных с религиозными мотивами, переводчик стремится передать атмосферу святости и жертвенности. Фраза «Лучом пробита облачная скань» звучит поэтично и возвышенно, сохраняя визуальный образ света, прорывающегося через облака. Перевод «Вино и хлеб – путь жертвы молчаливой» адекватно передаёт идею Тайной вечери из оригинала, однако добавляет интерпретационный слой: слова «путь» в оригинале нет. Оно акцентирует про-

цесс искупления, что расширяет смысловое значение текста. Завершающие строки «И вопиют, уснувши под оливой; Святой Фома влагает в раны длань» демонстрируют почти буквальную точность, сохраняя ключевые библейские образы. Здесь переводчик точно передаёт атмосферу сомнения и тревоги, связанную с образом Фомы. Переводчик бережно работает с образами Тракля, однако делает их более конкретными и эмоционально насыщенными, что иногда приводит к отступлениям от лаконичной строгости и многозначности оригинала. А. Солянов добавляет тексту яркую эмоциональную окраску, усиливая элементы трагизма и апокалипсиса, что делает перевод удачной адаптацией для русскоязычной аудитории, но частично он утрачивает ту сдержанность и аллегорическую открытость, какие присущи оригиналу.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Идут повзводно, чтоб в геенну впасть,
 Дробь барабана, воинов оскалы,
 Туман кровавый, звон, червонцы – в масть,
 Ночь царствует в умах, и все сначала:
 Где призрак Евы – там металла власть.
 В разрывах туч – свет Вечери, сама
 Святая немота в вине и хлебе.
 И те двенадцать, что сошли с ума,
 Кричат во сне о недоступном небе:
 Перстами рану берedit Фома.

Перевод А. Прокопьева

Перевод А. Прокопьева представляет собой сложную художественную интерпретацию оригинала, выполненную с акцентом на драматизм и экспрессию. Переводчик сохраняет ключевые образы, но изменяет их тональность, добавляя элементы эмоциональной напряжённости. В переводе А. Прокопьева сохранён двусложный размер. Но вместо шестистопного ямба он использует пятистопный ямб, что придаёт переводу большую ритмичность, придавая ему сходство с маршем.

Первая строка «Идут повзводно, чтоб в геенну впасть» передаёт трагизм ситуации и обречённость человечества, представленные в оригинале. Однако выбор слов «идут повзводно» создаёт военный контекст, отсутствующий у Тракля в таком явном виде. В оригинале “Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt” подразумевает символическое состояние человечества перед «огненными безднами». В переводе А. Прокопьева движение вперёд ассоциируется с маршем смерти и коллективной безысходностью. Упоминание «геенны» вместо «огненных бездн» добавляет библейской конкретики, но ограничивает многозначность исходного образа, который мог бы интерпретироваться шире. Фраза «Дробь барабана, воинов оскалы» экспрессивно и точно передаёт военную атмосферу. Однако использование слова «оскалы» вместо «тёмные лбы воинов» (dunkler Krieger Stirnen) меняет визуальный образ. У Тракля важен контраст между физической неподвижностью солдат и их внутренним отчаянием, но А. Прокопьев усиливает агрессию, придавая образам больше динамизма и угрожающего характера. В строке «Туман кровавый, звон, червонцы – в масть» наблюдается ещё большее отступление от текста Тракля. Сравнение с карточной мастью и метафорическая связка «червонцы – в масть» заменяют оригинальный символ «красных денег» (rotes Geld), который отсылает к ма-

териальной жадности и коварству. Эти изменения делают перевод более ярким, но отдаляют его от исходной символики. Строка «Ночь царствует в умах, и все сначала» перерабатывает оригинальное "Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen". У Тракля здесь явное отчаяние и мрак в сознании, а у Прокопьева добавлен мотив вечного повторения (всё сначала), что придаёт тексту философскую глубину. Однако в оригинале такая трактовка неочевидна. Образ «призрака Евы» и «власти металла» усиливает аллюзию на первородный грех и современные индустриальные реалии, что соответствует духу стихотворения. Однако строка «Где призрак Евы – там металла власть» более однозначна, чем оригинальное "Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld", где речь шла не только о Еве, но и об охоте и жадности, указывающих на потерю духовности. Символ света в строке «В разрывах туч – свет Вечери» сохранён, но дополнен конкретизацией, отсутствующей у Тракля. В оригинале свет, прорывающийся сквозь облака, более неопределённый и метафоричный, а его связь с Тайной вечерей интерпретируется читателем. А. Прокопьев делает эту связь очевидной, что упрощает восприятие, но снижает многозначность образа.

Заключительные строки перевода сохраняют трагизм и напряжённость оригинала. Образ двенадцати апостолов, которые «сошли с ума», придаёт тексту эмоциональный надрыв, но устраняет ту тихую обречённость, что присутствует у Тракля. Вместо «вопля во сне под оливой» (Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen) здесь звучит крик о «недоступном небе», что привносит новый философский оттенок тоски по утраченной высшей истине. Последняя строка «Перстами рану берedit Фома» точнее передаёт жест сомневающегося апостола, чем многие другие переводы, сохраняя и метафизическое напряжение, и реалистичность образа.

Таким образом, в переводе А. Прокопьева стихотворение Тракля переосмыслено, в нём больше драматизма и экспрессии. Переводчику удастся создать яркую и эмоционально насыщенную версию, но при этом возникают дополнительные интерпретационные слои и прощес становятся некоторые образы оригинала. В этом тексте больше конкретности и риторической яркости, чем в оригинальном стихотворении, что делает его более понятным, но менее многозначным и атмосферным.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Людей глотает огненный дракон,
Бой барабанный, армий обреченность,
Шаги в кровавой мгле; железа черный звон,
Отчаянье, рассудка помраченность:
Здесь деньги, Евы тень и вечный гон.
Лучи сквозь тучи, вечер, благодать.
Хлеб и вино, и ужин молчаливый,
И те двенадцать собрались опять.
Заснув, они кричат в тени оливы;
Фоме нейдет веру испытать.

Перевод И. Калугина

Перевод И. Калугина отличается стремлением к лаконичности, сохранению основной символики и структурной точности оригинала. В отличие от более вольных интерпретаций,

этот перевод ближе к тексту Тракля, хотя переводчик привносит определённые изменения, смещающие акценты и иногда упрощающие сложные образы автора. Переводчик сохраняет апокалиптический дух стихотворения, но использует более прямолинейные выражения, которые делают текст доступнее для современного читателя, при этом несколько теряется аллюзивная многослойность оригинала.

Первая строка перевода – «Людей глотает огненный дракон» – интерпретирует оригинальное “Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt”. Здесь переводчик заменяет образ «огненных бездн» (Feuerschlünden) образом «огненного дракона», что добавляет ему мифологический и фантастический оттенок. Этот выбор усиливает экспрессию, делая катастрофу более персонифицированной и зрелищной, однако такой образ не соответствует замыслу Тракля. Поэт описывает безликий и всеобъемлющий апокалипсис, избегая мифологических конкретизаций. Переводчик сохраняет авторский ямб, но уменьшает количество слогов.

Во второй строке – «Бой барабанный, армий обреченность» – сохранена экспрессивная военная символика оригинала. Однако слово «обреченность» заменяет более нейтральный образ «тёмных лбов воинов» (dunkler Krieger Stirnen). Это смещает акцент с внутреннего состояния солдат (их тревоги, замкнутости и подавленности) на обобщённый фатализм происходящего. Перевод, таким образом, усиливает идею коллективной гибели, но лишает строку интимной связи с конкретными участниками катастрофы. Данная строка представлена трёхсложным дактилем.

Третья строка – «Шаги в кровавой мгле; железа черный звон» – достаточно близка оригиналу “Schritte durch Blutnebel; schwarzes Eisen schellt”. Образ «кровавой мглы» и «черного звона железа» сохраняет ключевые детали текста Тракля, отражая хаос, насилие и тревогу. Этот фрагмент перевода удачно передаёт атмосферу гибели, при этом остаётся лаконичным и точным. Сохранён авторский ямб.

В строке «Отчаянье, рассудка помраченность» переводчик справляется с задачей экспрессионистского образа оригинала: “Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen”. Однако «рассудка помраченность» заменяет оригинальное «ночь в печальных мозгах», что лишает образ его зловещей визуальной конкретики и внутренней динамики. Вместо ощущения мрака и тьмы в сознании создаётся более общий образ психологического упадка. Размер – трёхсложный анапест.

Образы «деньги, Евы тень и вечный гон» удачно интерпретируют оригинальную строку “Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld”, где упоминаются тень Евы, охота и кровавые деньги. И. Калугин сохраняет центральные символы, но заменяет «охоту» (Jagd) на «вечный гон», усиливая философский и экзистенциальный характер текста. Это адаптация, которая делает перевод более понятным для современного читателя, но уменьшает смысловую многоуровневость оригинала.

Фраза «Лучи сквозь тучи, вечер, благодать» представляет собой достаточно вольную интерпретацию строки “Gewölk, das Licht durchbricht, das Abendmahl”. В оригинале облака, через которые пробивается свет, метафорически связаны с темой Тайной вечери. И. Калугин делает акцент на «благодати», что усиливает христианский подтекст, но при этом исчезает образ света как символа надежды и откровения.

Строка «Хлеб и вино, и ужин молчаливый» сохраняет сакральные символы хлеба и вина, центральные для Тайной вечери. Однако перевод добавляет слово «ужин», которого в оригинале нет. Это упрощает образ, делая его более обыденным и снижая его метафизическую

глубину. Тем не менее образ молчания сохраняет ту атмосферу святости и жертвенности, которая была заложена в оригинале.

Заключительные строки – «И те двенадцать собрались опять. Заснув, они кричат в тени оливы; Фоме нейдет веру испытать» – передают смысл оригинала (Und jene sind versammelt zwölf an Zahl. / Nachts schrein im Schlaf sie unter Ölbaumzweigen; / Sankt Thomas taucht die Hand ins Wundenmal), однако здесь возникает явное упрощение. Образ двенадцати апостолов, «сбравшихся опять», слишком прямо указывает на их встречу, тогда как в оригинале это подчеркнуто нейтральное наблюдение. Сцена их крика во сне под оливами выдержана достаточно точно, но упоминание «недоступного неба», характерное для других переводов, здесь заменено спокойной и почти бытовой формулировкой «Фоме нейдет веру испытать». Это снижает экспрессию и напряжённость образа Фомы, который в оригинале активно взаимодействует с раной как символом сомнения и стремления к пониманию.

В целом перевод И. Калугина отличается тщательностью, стремлением к ясности и сохранению общей атмосферы трагизма. Однако желание упростить сложные образы оригинала и усилить эмоциональную ясность иногда приводит к утрате символической многослойности, характерной поэзии Тракля. Перевод делает смысл более доступным для читателя, но снижает его экспрессионистскую напряжённость и внутреннюю динамику. Даже использование различных стихотворных размеров не создаёт ощущение «шума», а работает на поддержание атмосферы стихотворения.

ЛЮДСКОЙ РОД

Над огненною бездною род людской,
Бой барабанов, лязг, ожесточенье,
Туман кровавый, чёрных ратей вой,
Отчаяние, умопомраченье:
Тень Евы, похоть, золото, разбой.
Свет в облаке, причастья спелый плод.
И в хлебе и вине молчанье живо,
И те двенадцать продолжают сход.
И стонут по ночам в тени оливы;
Перст на рубцы от ран Фома кладёт.

Перевод В. Летучего

Перевод В. Летучего представляет собой интерпретацию с сохранением ключевых образов оригинала и с ярко выраженным акцентом на лексическую сжатость и поэтическую выразительность. Особенность перевода В. Летучего – акцентирование символических аспектов стихотворения, стремление сохранить атмосферу трагизма и апокалиптической неизбежности, присущую тексту Тракля. Однако некоторые нюансы оригинала теряются, а порой переведённый текст становится более лаконичным, что снижает его многозначность и глубину. Первая строка перевода – «Над огненною бездною род людской» – достаточно точно передаёт смысл оригинала (Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt). Однако слово «род» вносит определённую детерминацию, делая образ человечества более коллективным и не таким абстрактным, как в оригинале, где можно было воспринимать «человечество» как некую универсальную сущность. Здесь переводчик акцентирует внимание на идее судьбы и массовой ответственности.

ти. Во второй строке – «Бой барабанов, лязг, ожесточенье» – сохраняет важную военную тематику. Применение слов «лязг» и «ожесточенье» эффективно передаёт агрессивную атмосферу, но теряет изначальную напряжённость Тракля, где звуки барабана и металл были скорее символами неизбежности и цикличности трагедии, нежели конкретного конфликта. Вместо этого в переводе создаётся ощущение конкретной войны, что акцентирует образ насилия, но упрощает философский подтекст. Третья строка – «Туман кровавый, чёрных ратей вой» – представляет собой яркую визуализацию туманного и хаотичного мира. Образ «кровавого тумана» соответствует оригиналу, но слово «вой» вносит дополнительную конкретику, намекая на шум сражений, что подчёркивает внешний конфликт, но снижает многозначность образа, который у Тракля был ближе к внутреннему, психологическому состоянию. Строка «Отчаяние, умопомраченье» передаёт основной смысл строки (*Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen*) – отчаяние и психическое замешательство. В данном случае переводчик не уходит от буквальности, что помогает сохранить точность перевода, однако теряется глубина трагедии, заложенная в изначальном образе «мозгов», где Тракль акцентирует внимание на внутреннем, беспокойном состоянии сознания, а не на более общем «умопомрачении». Образ «Тень Евы, похоть, золото, разбой» достаточно точно передаёт символику оригинала. В первой части строки “*Hier Evas Schatten, Jagd und rotes Geld*” упоминаются тень Евы, охота и красные деньги, но переводчик заменяет «охоту» на «похоть», что придаёт строке более прямолинейную сексуальную коннотацию. Это изменяет акцент: если в оригинале «охота» скорее связана с понятием преследования, то «похоть» здесь создаёт более явный моральный контекст, осуждающий людскую жажду наслаждения и власти. Строка «Свет в облаке, причастья спелый плод» интерпретирует образ света, пробивающегося облака в контексте религиозной символики, связанной с Тайной вечерей. Однако переводчик несколько упрощает оригинал, заменяя образ «вечери» на более абстрактное «причастье». Это делает текст более универсальным и понятным, но снижает его конкретную связь с христианским символизмом, присущим исходному стихотворению. «И в хлебе и вине молчанье живо» – точная передача оригинальной строки, в которой присутствует важное символическое значение. Использование слов «молчанье живо» помогает сохранить таинственную и сакральную атмосферу этой сцены, однако, возможно, теряется более глубокая ассоциация с духовным и метафизическим аспектом, присущим оригиналу. Заключительные строки перевода – «И те двенадцать продолжают сход. / И стонут по ночам в тени оливы; / Перст на рубцы от ран Фома кладёт» – весьма близки к оригиналу, однако переводчик несколько сокращает динамику. Описание двенадцати апостолов, собравшихся снова, звучит достаточно нейтрально, лишая образ трагической неизбежности, которая была в оригинале. В последней строке образ сомневающегося Фомы приобретает меньше акцента на внутреннюю борьбу, превращаясь, скорее, в акт физической проверки.

Таким образом, перевод В. Летучего сохраняет основные символы и атмосферу стихотворения Тракля, но при этом делает его более прямолинейным и доступным. В тексте ощущается стремление к лаконичности и выразительности, что в целом делает перевод более понятным для читателей. Однако, в отличие от оригинала, в котором присутствуют тонкие, многозначные образы и символы, этот перевод более откровенен, что снижает многослойность и философскую глубину исходного произведения. Также В. Летучий сохраняет стихотворный размер – ямб.

Перевод Н. Колесниковой демонстрирует глубокое понимание символики и настроения оригинала. Этот перевод сочетает точность передачи образов и стилистическую гибкость, что

позволяет передать трагический и философский дух стихотворения, оставаясь при этом верным изначальной структуре. В отличие от некоторых других переводов, где акценты расставляются на экспрессионистской яркости и напряжённости, в переводе Н. Колесниковой сохраняется религиозная и философская многослойность, а также ощущение неизбежности катастрофы.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Человеческий род в строю пред бездной огня.
Дробь барабанов, воинов тёмные лица.
Металла чёрного звон и красный туман.
Отчаянье, мрак, от дум некуда скрыться:
Тень Евы, деньги в крови, что льётся из ран.
Сквозь туч заслон – Вечери тайной свет,
В вине и хлебе кроткое молчанье.
И все Двенадцать в сборе... Только нет
Им ночью сна среди олив печальных.
Святой Фома вложил в Христову рану перст.

Перевод Н. Колесниковой

Первая строка – «Человеческий род в строю пред бездной огня» – достаточно точно передаёт оригинальное "Menschheit vor Feuerschlünden aufgestellt". Использование выражения «в строю» слегка смещает акцент с неизбежной гибели (как в оригинале), добавляя военную нотку дисциплины, что также указывает на коллективную судьбу человечества. Однако, несмотря на это, метафора «бездна огня» сохраняет ту мрачную картину, которую рисует Тракль, подчёркивая катастрофический характер происходящего. Вторая строка – «Дробь барабанов, воинов тёмные лица» – достаточно точно интерпретирует исходный образ (dunkler Krieger Stirnen). Однако использование фразы «тёмные лица» расширяет визуальную картину, добавляя образ лиц, что может затруднить восприятие внутреннего напряжения, заложенного в оригинальном образе «военных лбов», ассоциирующихся скорее с внутренними конфликтами, а не с внешней агрессией. С другой стороны, использование «дробь барабанов» сохраняет ритмичность и апокалиптическую динамику. Строка «Металла чёрного звон и красный туман» – прямой перевод фраз оригинала. Образ «красного тумана» является довольно точной интерпретацией "Blutnebel", что сохраняет метафорический образ войны и насилия. «Звон металла» эффективно передаёт ощущение мощи и холодной решимости, в то время как красный туман усиливает визуальный образ хаоса, кровопролития и смерти.

В строке «Отчаянье, мрак, от дум некуда скрыться» чувствуется сильное психологическое напряжение, соответствующее оригиналу "Verzweiflung, Nacht in traurigen Gehirnen" (Отчаяние, ночь в печальных мозгах). Использование «мрак» и «некуда скрыться» является художественным усилением, что делает образ ещё более отчаянным, хотя он при этом утрачивает исходную метафору Тракля, где «ночь в мозгах» символизирует не только внешнюю, но и внутреннюю тьму. Стихотворная линия «Сквозь туч заслон – Вечери тайной свет» представляет собой интерпретацию образа, связанного с христианской темой Тайной вечери, где свет, пробивающий тучи, воспринимается как символ божественного откровения. Перевод «Вечери

тайной свет» делает этот образ более прозрачным и прямолинейным, что может ограничивать ту многозначность, которую Тракль вложил в свои религиозные образы. Фраза «В вине и хлебе кроткое молчанье» сохраняет важность символики хлеба и вина в христианской традиции. В оригинале Тракль использует образ молчания в контексте жертвенной трапезы, и перевод Н. Колесниковой адекватно передаёт это молчание как кроткое и умиротворённое, что в сочетании с образом хлеба и вина приобретает религиозную и метафизическую значимость.

Заключительная часть стихотворения – «И все Двенадцать в сборе... Только нет / Им ночью сна среди олив печальных» – довольно точно передаёт оригинальную сцену, в которой апостолы, несмотря на их собранность, остаются лишёнными покоя. Здесь поэт сохраняет атмосферу экзистенциального страха и сомнения, однако слово «печальных» добавляет ещё один эмоциональный оттенок, усиливая тоскливость этого образа. Последняя строка «Святой Фома вложил в Христову рану перст» сохраняет важность сцены сомнения и испытания веры. Этот момент традиционно ассоциируется с сомнением Фомы и его стремлением к подтверждению истинности. В данном случае перевод адекватно сохраняет образ сомневающегося апостола, однако его роль в ситуации проверки и сомнения приобретает менее динамичную форму.

Переводы стихотворения Тракля “Menschheit” варьируются в степени точности и глубины передачи оригинала. Каждый из переводчиков подходит к передаче стихотворения с разной степенью личной интерпретации, что влечёт за собой как сохранение, так и утрату некоторых важных аспектов философского и символического содержания. В этом контексте можно выделить несколько ключевых сходств и отличий между переводами, а также отметить наиболее точный перевод.

Все переводы сохраняют ключевые элементы символизма, присутствующие в оригинале. Это и мрак, и отчаяние, и катастрофические образы, связанные с войной, разрушением и внутренним кризисом человечества. Переводчики не отклоняются от основной тематики, связанной с военной агрессией, апокалипсисом и духовным поиском. В каждом из переводов есть чёткий акцент на судьбе человечества, его коллективной ответственности перед лицом неизбежного катаклизма. Изображение человечества «стоящим» или «находящимся перед бездной» сохраняется в каждом переводе, что подчёркивает мотивы тотальной гибели и разрушения. Основные мотивы стихотворения Тракля – мотивы христианской жертвы и Тайной вечери. Они выражены в образах хлеба, вина и фигуры Святого Фомы и присутствуют в каждом переводе, что позволяет сохранить религиозный контекст, ставший неотъемлемой частью философского содержания стихотворения.

Каждый переводчик подходил к выбору стиля по-своему. Например, перевод И. Калугина отличается более яркими и визуально насыщенными образами, такими как «кровавый туман» или «железный звон», что создаёт впечатление яркой, почти кинематографичной сцены. В то же время у В. Летучего стиль более сдержанный и лаконичный, что делает перевод более абстрактным и сконцентрированным на метафизике, а не на внешней картине. Это добавляет тексту философской глубины, но может затруднить восприятие менее подготовленного читателя.

В переводе А. Прокопьева значительно акцентирована абстрактность образов и философский подтекст, сохранена смысловая неоднозначность оригинала. С другой стороны, перевод Н. Колесниковой акцентирует более конкретные образы и эмоциональную выразительность, что упрощает его восприятие.

В переводах Н. Колесниковой и А. Прокопьева наблюдается ярко выраженное внимание к религиозной символике. В частности, роль Святого Фомы, который сомневается, испытывает веру, становится важным моментом. При этом в переводе Н. Колесниковой используются более явные религиозно окрашенные выражения, такие как «перст на рубцы от ран». Это усиливает духовную и этическую экспрессию текста, что, в свою очередь, придаёт ему более религиозный характер, чем это свойственно другим интерпретациям.

На наш взгляд, перевод А. Солянова является самым удачным из представленных. Этот перевод сочетает в себе точность в передаче символов и образов, сохраняя при этом богатство философского подтекста оригинала. А. Солянову удалось сохранить атмосферу мрака, отчаяния и внутренней борьбы, важную для Тракля. В его переводе ярко выражены религиозные и экзистенциальные темы, и одновременно текст остаётся достаточно ясным для читателя, не знакомого с источниками философских аллюзий. В то же время стиль не теряет метафоричности и глубины, что делает перевод многозначным, как и сам оригинал.

Перевод Н. Колесниковой из представленных вариантов наименее удачен. Несмотря на воспроизведение основных символов и образов, он утрачивает сложность и многозначность оригинала. Н. Колесникова использует более прямолинейный способ выражения, что снижает философскую и метафизическую глубину текста. Её перевод в большей степени упрощён и менее выразителен, в нём отсутствуют те нюансы, какие делают стихотворение Тракля таким многозначным.

Список литературы

1. Колесникова Н. Георг Тракл. Человечество, 1913. URL: <https://stihi.ru/2009/08/30/2038> (дата обращения: 02.02.2025).
2. Тракл Г. Себастьян во сне: Полное собрание стихотворений / пер. с нем. Владимира Летучего. 2-е. изд. М: Водолей, 2016. 224 с.
3. Тракл Г. Стихотворения. Проза. Письма / пер. с нем. А. Белобратова. Предисл. В. Метлами. СПб.: «Symposium», 2000. 640 с.
4. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.

References

1. Kolesnikova N. Georg Trakl. Menschheit, 1913. URL: <https://stihi.ru/2009/08/30/2038> (accessed: 02.02.2025). (In Russ.).
2. Trakl G. Sebastian in a dream: Complete collection of poems. Translated from German by Vladimir Letuchy. 2nd ed. Moscow: Vodoley, 2016. 224 p. (In Russ.).
3. Trakl G. Poems. Prose. Letters. Translated from German by A. Belobratov. Preface by V. Metlami. St. Petersburg: Symposium, 2000. 640 p. (In Russ.).
4. Tchaikovsky R.R. Realities of poetic translation (typological and social aspects). Magadan: Kordis, 1997. 197 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 24.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 12.03.2025

Принята к публикации / Accepted 30.04.2025